

Диана Уинн Джонс

Diana Wynne Jones

МОЯ
ТЕТУШКА-
ВЕДЬМА

Диана Джонс

Моя тетушка – ведьма

«Азбука-Аттикус»

1991

Джонс Д. У.

Моя тетушка – ведьма / Д. У. Джонс — «Азбука-Аттикус», 1991

ISBN 978-5-389-06531-4

Тетушка Мария правит в городке Кренбери-он-Си исключительно благодаря своему обаянию, которое тверже стали и смертоноснее яда. Странные вещи творятся в Кренбери. Почему все мужчины превратились в безвольных зомби в серых костюмах? Почему здесь совсем нет детей – только тихони-сироты в местном приюте? Куда много лет назад пропал Энтони Грин, о котором никто не желает говорить? И что произошло с бунтарем Крисом – братом тихой, воспитанной Мидж? Нет, не может быть, чтобы тетушка Мария имела к этому какое-то отношение: ведь она такая добрая, такая славная, такая замечательная! Впервые на русском языке – еще одна захватывающая история от автора «Ходячего замка» и «Дома с характером», признанного мастера фантастических историй Дианы Уинн Джонс.

ISBN 978-5-389-06531-4

© Джонс Д. У., 1991
© Азбука-Аттикус, 1991

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвертая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Диана Уинн Джонс

Моя тетушка – ведьма

BLACK MARIA

by Diana Wynne Jones

Text copyright © Diana Wynne Jones 1991 This edition is published by arrangement with
Laura Cecil and The Van Lear Agency
All rights reserved

© А. Бродоцкая, перевод, 2013

© В. Минеев, иллюстрации, 2013

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Эта книга – для Элли

Глава первая

Тетушка Мария обострилась у нас сразу после папиной гибели. Знаю, так говорят про болезнь – и это я нарочно. Крис считает, что вся наша история больше похожа на карточную игру, где проигрывает тот, кому сдают даму пик. У этой игры и название подходящее – «Черная Мария», или «Ведьма». Может быть, Крис и прав.

Это первая моя запись в дневнике на замочке, который папа подарил мне на то кошмарное Рождество, только, по-моему, тут не все понятно и надо кое-что объяснить. Папа бросил нас в начале декабря и машину тоже забрал. Нежданно-негаданно позвонил из Франции и объявил, что сбежал с дамой по имени Верена Бланд и назад не вернется.

– Верена Бланд! – отчеканила мама. – Ну и имечко!

И так она это сказала, что стало ясно: дело не только в имечке.

Крис с папой не ладил. Он прошипел:

– Скатертью дорога!

И тут же страшно обозлился на меня: ему показалось, будто я толь ко об одном и думаю – что папа уехал вместе с романом, который я писала и держала в машине, в тайнике над радио. То есть на самом-то деле я очень горевала из-за папы, просто у меня это так проявлялось. Я тогда считала, будто пишу шедевр, и хотела получить его обратно.

Папе, конечно, пришлось вернуться. Что характерно. Дома у него осталась куча нужных вещей. Вот он и приехал за ними под Рождество. Думаю, к тому времени Верена Бланд уже испарилась, поскольку папа привез маме колье, а Крису – новый калькулятор. А мне подарил симпатичную толстую тетрадь в твердой обложке и с замочком, запиравшимся на ключик. Я ужасно обрадовалась и из-за этого забыла попросить папу отдать мне роман из машины, а потом тем более забыла: у мамы с папой случилось несколько диких скандалов с рычанием и воплями, и в конце концов мама потребовала развода. Представляете, мама первая заговорила про развод – это у меня до сих пор в голове не укладывается! У папы, по-моему, это тоже в голове не уложилось. Он жутко взбесился, выскочил из дома, хлопнув дверью, сел в машину и укатил без всех своих нужных вещей, за которыми приезжал. А с ним укатил и мой роман.

Похоже, папа поехал навестить тетушку Марию в Кренбери-он-Си. К тетушке Марии он всегда относился крайне почтительно, хотя она ему даже не родная, а просто жена дяди. Но до нее он так и не добрался: на Кренберийском утесе машину занесло на гололеде и она рухнула с обрыва в море. Был прилив, поэтому папа мог бы и выбраться. Если бы не сломанный замок на водительской двери. Он был сломан уже полгода, и даже за руль приходилось забираться с противоположной стороны. Полиция решила, что пассажирская дверь распахнулась и вода хлынула внутрь и смыла папу, пока он был в шоке. Ремень был отстегнут, но папа мог и не пристегнуться. Он часто забывал. В общем, его так и не нашли.

Назначено исследование.

Это моя следующая запись. Мама не понимает, кто она – вдова, разведенная или замужняя женщина. Крис считает – вдова. Ему стыдно, что он тогда сказал: «Скатертью дорога!» – и он прямо набросился на меня, когда я сказала, что папу, может быть, подобрала подводная лодка, где никто не говорит по-английски, или он уплыл во Францию – да мало ли.

– Вечно эта Мидж лезет со своими счастливыми концами, – сказал Крис.

Ну и пожалуйста. Да, я люблю, когда все хорошо кончается. Вот я и спросила у Криса: а что, если плохой конец, то сразу правдоподобнее? Крис ничего не ответил.

Маму мучают угрызения совести. Она дала отставку Нилу Хольстрому, а я думала, у нее с Нилом будет любовь.

Вообще-то я не знаю, так ли уж Нил нравился маме, я еще тогда про это написала, просто мне хочется быть беспристрастной. По-моему, Нил похож на ухвертку. Чтобы откупиться от него, мама приобрела за бесценок его жуткую развалюху-машину, и это было, конечно, нехорошо с ее стороны, хотя я была рада от него отделаться. Совесть маму замучила – просто кошмар. Мы с Крисом тоже стали какие-то странные, одновременно вялые и взвинченные, и у нас все из рук валилось. В дневнике у меня огромные пробелы: не было сил что-либо писать.

Больше всего мама мучилась совестью из-за тетушки Марии. Мол, это все она, мама, виновата, что папа поехал по гололеду повидаться с тетушкой Марией. Тетушка Мария заставляет Лавинию – свою компаньонку и экономку – звонить нам два раза в день: это она проверяет, все ли у нас в порядке. Мама утверждает, что для тетушки Марии папина смерть стала таким же потрясением, как и для нас, и нам надо относиться к ней по-доброму. Вот мы и относились к ней по-доброму, даже слишком. А потом вдруг оказалось, что мы зашли совсем далеко и теперь по-злему уже невозможно. Тетушка Мария все названивала и названивала. Если нас не было дома или если дома был только Крис и не подходил к телефону, тетушка Мария обзванивала всех наших знакомых, даже Нила Хольстрома и всех прочих, до кого только могла добраться, – мол, мы «пропали» и она места себе не находит от беспокойства. Она звонила нашему врачу и нашему стоматологу и даже умудрилась позвонить мамину начальнику – домой. Мама попала в ужасно глупое положение, и с тех пор нам пришлось следить, чтобы после четырех кто-нибудь всегда был дома и подходил к телефону.

Обычно к телефону подходила я. Мама тогда часто задерживалась на работе, потому что хотела на Пасху взять отпуск и провести его с нами. Следующая запись в моем дневнике именно про звонки тетушки Марии.

Крис прямо нутром чует, когда звонит тетушка Мария. Говорит – телефон звонит этак мягко, но настойчиво, и под этой мягкостью чувствуется стальная хватка. Стоит телефону зазвонить, как Крис тут же сгребает в охапку тетрадки и учебники и мчится к двери с воплем: «Возьми трубку, Мидж! Я занимаюсь!»

Даже если Криса нет дома и предупредить меня некому, я сразу понимаю, кто звонит: первое, что я слышу в трубке, это голос телефонистки, злой и задерганный. Тетушка Мария не снисходит до того, чтобы посмотреть номер в записной книжке, а потом набрать его. Каждый раз заставляет Лавинию звонить через телефонистку. Сама Лавиния никогда ничего не говорит. Зато в отдалении слышен крик тетушки Марии:

– Лавиния, вы дозвонились?

А потом – шорох и постукивание: это тетушка Мария берет трубку.

– Это ты, Наоми, дорогая? – говорит она трагически-напряженным голосом. – Где Крис?

Жизнь меня ничему не учит. Вечно держу трубку слишком близко к уху. Тетушка Мария знает, что Лондон – это очень далеко от Кренбери-он-Си, и поэтому кричит. И приходится кричать в ответ, а иначе она сердится, что ты шепчешь.

– Это Мидж, тетушка Мария! – кричу я. – Пожалуйста, называйте меня Мидж, мне так больше нравится!

Я говорю это каждый раз, но тетушка Мария называет меня только и исключительно Наоми, поскольку меня называли Наоми Маргарет в честь ее умершей дочери. Потом я переношу трубку к другому уху, а первое тру. Я и так знаю, о чем она там вопит, – желает снова осведомиться, где Крис.

– Крис занимается! – надрываюсь я. – Математикой!

Это тетушка Мария уважает. Крис умудрился внушить ей мысль, что он математический гений и Его Занятия Священны. Жалко, я не знаю, как ему это удалось. Хотела бы я тоже вну-

шить ей мысль, что я Будущий Великий Писатель и мое время ценится на вес золота, только, кажется, по ее представлениям право на честолюбие имеют одни мальчишки.

В голосе тетушки Марии появляется низкая гулкая нота упрека.

– Я очень тревожусь за Криса, – заявляет тетушка, будто это я во всем виновата. – Мне кажется, он мало бывает на свежем воздухе.

Тут начинается самое трудное. Мне надо ее убедить, что Крис вполне достаточно бывает на свежем воздухе, не уточняя, зачем он туда ходит. Если я скажу, что он гуляет с друзьями, она либо решит, будто Крис мало занимается, либо станет названивать его друзьям – проверить, не вру ли я. Когда она позвонила Энди, я чуть не умерла. Я же не хочу, чтобы Энди плохо обо мне думал. Но если я отвечу неопределенно, тетушка Мария придет к убеждению, будто Крис Связался С Дурной Компанией. Тогда она примется названивать классному руководителю Криса. От этого я тоже чуть не умерла. С тех пор мистер Норрис спрашивает у меня, как здоровье тетушки Марии, каждый раз, когда мы сталкиваемся в школьном коридоре. Похоже, она произвела на него неизгладимое впечатление.

Но теперь я уже научилась с ней разговаривать. Крис ужасно удивится, если узнает, что ежедневно ходит играть в теннис с другом, у которого нет телефона. Потом мне придется проделать то же самое с мамой. Мама тоже играет в теннис с мамой бестелефонного друга – которая вдова, на случай, если тетушку Марию это насторожит. Затем мы переходим ко мне. По неизвестной причине мне не полагается делать вообще ничего, даже бывать на свежем воздухе. Тетушка Мария говорит:

– Ах, Наоми, какая ты хорошая девочка – трудишься как пчелка, помогаешь маме вести дом!

С этим я соглашаюсь ради мира в семье, хотя меня каждый раз подмывает ляпнуть: «Честно говоря, мне пора бежать – надо заглянуть в нудистскую колонию, а по дороге поджечь церковь».

После чего тетушка Мария разворачивает последние теории о том, что на самом деле произошло с папой, а затем расписывает, как она горюет. На этом этапе я могу предпринять только одно – то и дело умиротворяюще орать: «Да-а-а!» От этой части разговора мне становится ужасно тошно. Но все равно надо слушать, поскольку следующим пунктом тетушка Мария перейдет к тому, что у нее, кроме нас, не осталось родных, а потом – «ну когда же вы наконец приедете в Кренбери навестить меня?»

Вот тут я вынуждена вертеться как уж на сковородке. Тетушка Мария начинает нас завлекать. Она говорит:

– Крису будет очень удобно на диване, а если Лавиния переберется вниз в маленькую комнату, вы с Бетти можете устроиться у нее в спальне.

– Ужасно мило с вашей стороны! – отвечаю я. – Но у Криса, к сожалению, экзамен...

Вы себе не представляете, сколько у Криса бывает экзаменов. Крис не против. Он сам мне подсказывает, как наврать тетушке Марии. В чем мы с Крисом единодушны, так это в том, что ни за какие коврижки не поедem в Кренбери-он-Си. У нас сохранились кошмарные воспоминания о том, как мы туда ездили, когда были маленькие.

Теперь-то, конечно, у нас другие причины. Вот вам бы захотелось поехать туда, куда не доехал ваш отец перед смертью, да еще и пожить там? Нет. Вот и я откладывала тетушку Марию на потом изо всех сил. Получалось у меня блестяще. Несколько месяцев я отвечала ей вежливо, но неопределенно, и мы всю предвкушали пасхальные каникулы, и тут однажды вечером меня не было дома, к телефону подошла мама – и за несколько секунд все мои старания пошли насмарку. Когда я вернулась, то обнаружила, что она согласилась – даже не спросив у нас! – поехать втроем на Пасху к тетушке Марии.

Мы с Крисом были в бешенстве. Я сказала, что тетушка Мария, по-моему, думает только о себе, а со всем не о нас. Крис сказал:

– Мама, с какой стати мы должны ее ублажать? Тетушка Мария – папина тетка, и то не родная. Она не имеет права нам указывать!..

Но мамина совесть отдыха не знает. Мама сказала:

– Свинство не ехать, если она хочет нас видеть. Она несчастная одинокая старушка. Папа был ей очень дорог. Если мы приедем, она будет на седьмом небе от счастья. Мы едем. Отказаться – полный эгоизм, честное слово.

Вот потому-то мы все и очутились в доме тетушки Марии в Кренбери-он-Си. Приехали мы только сегодня вечером, и я уже в такой депрессии, что решила все записать. Мама сказала: если я всерьез намерена писать всякие гадости о тетушке Марии, то, уж пожалуйста, с условием, что тетушка никогда ничего не узнает. Поэтому я тяжело вздохнула и решила взять тот дневник в твердой обложке с замочком. Вообще-то я собиралась составлять там списки рыцарей Круглого стола и любимых поп-групп – я же не хочу, чтобы Крис добрался до них и потом издевался надо мной, – но пусть лучше на меня напустится Крис, чем тетушка Мария. Когда я это допишу, то запру на замок.

К несчастью, мама повезла нас на машине Нила. Она маленькая и медленная, а места для пассажиров в ней совсем мало, и гитара Криса всю дорогу больно упиралась мне в бок, к тому же когда машина нагружена, то подвеска жутко скрипит. Мы с Крисом предпочли бы поезд. Тогда не пришлось бы ехать по дороге через Кренберийский утес. Но мама пренебрегла нашими чувствами и напустила на себя этакий храбрый и жизнерадостный вид, который жутко бесит Криса, и мы покатали. Мы с Крисом старались не глядеть на новую, светлее соседних, секцию заграждения на краю обрыва, и мама, наверное, тоже старалась, но все равно мы видели ее, даже когда не смотрели. В деревьях и кустах там большая прогалина: весна еще толком не началась, и ветки без листвы совсем прозрачные. Папу, наверное, швырнуло через всю дорогу, слева направо. Я думала о том, каково ему было – ну, в последнюю секунду, – когда он уже понимал, что сейчас свалится. Но я ничего не сказала. Все мы притворились, будто не обратили на это место внимания.

Дом тетушки Марии ничуть не улучшил нам настроения. Он старый-престарый и стоит на улице таких же старых домов, которые выглядят с ума сойти как живописно – всех оттенков кремового цвета. Дом не очень большой, но внутри кажется, будто он гораздо больше – можно сказать, даже роскошный и внушительный. Наверное, дело в массивной мрачной мебели. Правда, все комнаты почему-то темные и запах затхлый – похожий на при вкус, какой бывает во рту, когда просыпаешься и понимаешь, что простыл. Мама запаха вроде бы не чувствует или не сознается, но все время удивляется, отчего тут так темно.

– Вот, может быть, если бы тетушка повесила нарядные занавески, – рассуждает она, – или сделала перестановку... Наверняка со стороны сада в дом попадает много солнца.

Тетушка Мария встретила нас известием, что Лавиния была вынуждена уехать, поскольку у нее заболела мать.

– Ничего страшного, – заявила она, тяжело топая к нам: ей приходится опираться на две палки. – Значит, Крис займет маленькую комнату. Я вполне способна обслуживать себя сама, если только кто-нибудь поможет мне одеваться и мыться, – и, Бетти, дорогая, вы же не будете возражать, если вам придется взять на себя приготовление еды?

Мама, естественно, ответила, что возражать не будет.

– Разумеется, это же ваша обязанность, – сказала тетушка Мария. – Вы ведь сейчас не работаете, не правда ли?

По-моему, подобное заявление огорошило даже маму, но она только улыбнулась и сказала все на то, что тетушка Мария старенькая. Мама вечно так делает. Постоянно напоминает нам – мол, тетушка Мария выросла в те времена, когда у всех были слуги, и не вполне сознает, чего требует. А мы с Крисом думаем, тетушка Мария вообще выставила Лавинию в отпуск, только когда удостоверилась, что мы точно приедем. Крис говорит, Лавиния наверняка собирается увольняться. Он считает, всякий, кому придется жить с тетушкой Марией, и часу не вытерпит, захочет унести ноги.

– Обойдемся сегодня без ужина, – объявила тетушка Мария. – Мне достаточно стакана молока с кусочком сыра.

Мама увидела, какие у нас сделались лица.

– Мы можем пойти купить жареной рыбы с картошкой, – сказала она.

– Как?! В Кренбери?! – воскликнула тетушка Мария: можно подумать, мама предложила пойти прирезать миссионера или там почтальона. Потом она помычала, похмыкала и сказала, мол, если бедняжка Бетти так устала с дороги и не хочет готовить ужин, пожалуй, где-то там, у моря, и вправду, кажется, был лоток с рыбой и картошкой. – Хотя, полагаю, в это время года он не работает, – добавила она.

Крис вышел в ночь искать лоток, бормоча под нос нехорошие слова. Через полчаса он вернулся – побитый ветром и с пустыми руками: у пирса все было закрыто.

– И закрыто, по-моему, уже сто лет, – сказал он. – Ну что?..

– Какой хороший мальчик, так о нас заботится, – сказала тетушка Мария. – Мне кажется, у Лавинии где-то были вегетарианские ореховые котлетки.

– Я не хороший мальчик, я просто голодный, – отозвался Крис. – Где эти ваши треклятые котлетки?

– Кристиан!.. – ужаснулась мама.

Мы пошли и обыскали кухню. Там оказались две ореховые котлетки, яйца и еще кое-что, но только одна кастрюля и очень маленькая сковородочка, а больше почти ничего. Мама диву давалась, как Лавиния умудрялась тут готовить. Я решила, что она забрала с собой всю посуду, когда уезжала. В общем, мы приготовили что-то вроде ореховой яичницы с хлебом. Когда я накрыла на стол, тетушка Мария сказала:

– Сегодня у нас прямо пикник. Салфетки класть не нужно, дорогая. Поесть прямо кухонными приборами будет чрезвычайно интересно!

Я-то решила, она и правда так думает, поэтому не стала доставать салфетки, пока мама на меня не зашипела:

– Не глупи, Мидж! Она дает понять, что привыкла к салфеткам и к парадному столовому серебру. Пойди и найди.

Мама очень хорошо понимает вежливые способы, которыми тетушка Мария высказывает свои пожелания. Из-за этого на нее, на маму то есть, сразу навалилась уйма работы. Если она

не побережется, то вообще не сможет отдохнуть. Например, именно из-за этого она начистила столовые приборы средством для полировки, скатала ковровую дорожку в передней, чтобы ночью никто не запнулся, поставила комнатные растения в ванну, заставила Криса завести все часы в доме (а их тут целых семь штук) и проводила тетушку Марию наверх, где мы с мамой раздели ее, заплели ей волосы в косички и взбили ей подушки именно так, как тетушка Мария сказала, что не нужно, раз Лавинии все равно нет, а потом аккуратно разложили ей одежду на утро. Тетушка Мария, конечно, сказала, что и этого от нас не требует.

– Завтрака мне тоже не нужно, раз Лавинии нет и некому принести мне его в постель, дорогая, – таков был последний запрос тетушки Марии.

Мама пообещала принести ей завтрак на подносе ровно в восемь тридцать. Отличный метод доведения до ручки. Я спустилась вниз и испытала его на Крисе.

– И вовсе не нужно приносить чемоданы в дом из машины, – сказала я. – Мы прекрасно поспим на полу, не раздеваясь.

– Ой! – вскинулся Крис. – Тьфу ты, забыл про чемоданы!

Он вскочил и бросился за ними и только потом понял, что я смеюсь. Он никак не мог решить, как ему быть – тоже смеяться или рычать на меня, – и тут сверху послышался вопль тетушки Марии. Мама, которая уже спустилась на полпролета, в панике метнулась обратно, испугавшись, что тетушка упала с кровати.

– Когда Лавиния здесь, я прошу ее всегда отключать газ и электричество ровно в десять, – прокричала тетушка Мария. – Но вы мои гости, так что можете оставить все включенным.

В результате я пишу это при свечке. По другую сторону свечки сидит мама и составляет длиннющий список всего, что мы завтра купим для тетушки Марии. Я читаю его вверх ногами: там есть и сковородки, и картошка, и рыбное филе, и садовые ножницы. Очевидно, в саду маму тоже попросили «не трудиться».

Вообще-то электричество мы не отключали до четверти одиннадцатого, чтобы при свете устроиться в комнатах. Маленькая комната Криса выходит на лестничную площадку и битком набита книгами. Я ему завидую. Конечно, я не против жить в одной комнате с мамой, но кровать там не очень большая и полно вещей Лавинии. Как сказала мама – не без лукавства, – похоже, Лавиния уезжала в большой спешке. Шкаф и комод набиты одеждой. Она оставила на подзеркальнике серебряные щетки для волос, а под кроватью – тапочки, и мама жутко разволновалась, как бы не нарушить у нее порядок. Серебряные щетки и фотографию Лавинии с матерью в серебряной рамке она переставила на верхнюю полку. Лавиния из тех людей, которые всю жизнь выглядят старенькими. Помню, когда я в первый раз приезжала сюда и была совсем маленькая, то думала, будто Лавинии лет девяносто. На фотографии Лавиния с матерью кажутся двойняшками – две сияющие старушки. На одной надпись фломастером «Мама», на другой – «Я», значит, точно не двойняшки.

А потом, в десять пятнадцать, когда мама доставала из ванны горшки с цветами, чтобы засунуть туда Криса – Крис считает, будто в ванне он моется, а по-моему, просто мокнет в собственной грязи, – кто-то замолотил в заднюю дверь. Крис открыл ее, мы с мамой подбежали к нему. Там стояла какая-то женщина и светила в нас ярким фонарем. Она была мамина ровесница, а может, и моложе, сами понимаете, как трудно бывает разобраться, и вся такая чистенькая и накрахмаленная, словно монашка.

– Вы, должно быть, Бетти Лейкер, – сказала она маме. – Меня зовут Элейн. Я ваша соседка, – добавила она, когда поняла, что нам ее имя ничего не говорит. И прошагала мимо нас с Крисом, будто мы были пустое место. – Я принесла вам фонарь, – объяснила Элейн, – поскольку решила, что к этому времени вы наверняка уже выключили электричество. Она на этом настаивает. Опасается ночных пожаров.

– Крис, – проговорила мама, – найди рубильник.

– Он здесь, за дверью, – сказала Элейн. – Дерните его, когда я уйду. Я пробуду недолго, только проверю, все ли вы правильно делаете. Мы очень рады, что вы смогли приехать ухаживать за ней. Вопросы есть?

– Нет, – ответила мама; вид у нее был несколько ошарашенный.

Элейн прошагала мимо нас в столовую, где прошлась туда-сюда, повертела своим фонарем, посветила на мамино вязанье, на мой дневник, на тетрадки и учебники Криса, сваленные стопками на стульях. Элейн была в черном макинтоше, туго перетянута поясом, и еще очень худая. Я подумала: она, наверное, служит в полиции.

– Она не одобряет такой беспорядок, – сказала Элейн.

– Мы только начали распаковывать вещи, – униженно пробормотала мама.

Крис поглядел на нее волком. Он терпеть не может, когда мама перед кем-то оправдывается.

Элейн улыбнулась маме. От улыбки по обе стороны рта у нее появились складки, но я не назвала бы это настоящей улыбкой. А странно – ведь на самом деле Элейн даже красивая, честное слово.

– Вы уже поняли, что ее необходимо одевать, раздевать, мыть и готовить ей пищу, – отчеканила Элейн. – Вы сумеете втроем выкупать ее, да? Хорошо. Когда захотите вывезти ее подышать свежим воздухом, я прикачу вам кресло на колесах. Оно стоит у меня, поскольку здесь мало места. Пожалуйста, внимательно следите, чтобы она не упала. Я рассчитываю, что вы оправдаете доверие. Впрочем, мы все будем время от времени заходить к вам узнать, как идут дела. Итак... – Элейн снова огляделась. – Счастливо оставаться, – сказала она. И по чему-то наградила Криса очередной странной улыбкой, после чего промаршировала прочь, бросив через плечо: – Не забудьте выключить электричество.

– Ничего себе раскомандовалась! – проговорил Крис. – Мама, ты знала, ради чего мы сюда приехали? Если нет, похоже, нас не за тех держат!

– Но ведь тетушке Марии действительно нужна помощь, – растерянно пролепетала мама. – Где этот рубильник? А свечи тут есть?

Свечей оказалось две. Мама добавила свечи в свой список, перед тем как лечь в постель – вот только что. Теперь она сидит на кровати и говорит:

– Постельное белье несвежее. Надо будет завтра все перестирать. Стиральной машины у нее нет, но поблизости наверняка найдется прачечная. – И дальше: – Мидж, ты уже, наверное, тысячу страниц исписала. Хватит, ложись спать, а то тетрадка кончится. – И как раз начала говорить: – И свечка тоже кончится, – когда в комнату ворвался Крис в одних трусах.

Он сказал:

– Я не знаю, что это. Оно лежало у меня под подушкой.

Швырнул что-то с размаху на пол и умчался. «Оно» оказалось розовым, в рюшечках и с этикеткой «Св. Маргарита». Мы с мамой решили – это, наверное, ночная рубашка Лавинии. Последние пятнадцать минут перед сном мама потратила на удивленные охи и ахи по этому поводу.

– Похоже, ей пришлось уехать второпях, – сказала мама и хотела еще немного помучиться совестью, только сил у нее уже не было. – Она перебралась в ту комнату, чтобы освободить нам место. Ой, мне ужасно неловко...

– Мама, – сказала я, – если тебе становится не ловко от вида чужой старой ночнушки, что же с тобой сделается, если тебе на глаза попадутся Крисовы носки?

От этого мама засмеялась. Уже забыла, что собиралась мучиться совестью, и теперь грозит задуть свечу.

Глава вторая

У Криса в комнате призрак.

Это я написала два дня назад. С тех пор события развиваются просто ужас как стремительно – по сравнению с ними даже улитки и те так и мелькают мимо на бешеной скорости. Я еле шевелюсь от скуки, мама зачем-то связала три рукава для одного свитера, а Крис ведет себя все хуже и хуже. Тетушка Мария тоже. Элейн и прочие миссис Ктототам уже сидят у нас в печенках.

Не понимаю, как тетушка Мария выносит жизнь в Кренбери без телевизора? Все дни похожи друг на друга – начинаются с того, что мама вскакивает с постели и будит меня, ведь ей нужно успеть приготовить завтрак, пока тетушка Мария не забухала в пол своей палкой. Пока я встаю, слышно, как тетушка Мария говорит за стенкой:

– Ничего страшного, дорогая. Очень интересно для разнообразия попробовать недоваренное яйцо – обычно я велю Лавинии варить яйца пять с половиной минут, но это, конечно, неважно...

Так было последние два дня. Сегодня мама сумела приготовить яйцо правильно, поэтому тетушка Мария переключилась на «Очень интересно есть сыроватые тосты, дорогая». От шума просыпается Крис и является – мрачный и грозный, будто потревоженный зверь из клетки: ррр, ррр! Вообще-то Крис совсем не злой. В первое утро я спросила его, в чем дело, и он ответил:

– У меня в комнате призрак. А так все нормально.

На второе утро он мне ничего не сказал. Сегодня я сама ничего у него не спросила.

Мама едва успевает проглотить чашку кофе, и тут тетушка Мария опять бухает в пол палкой – это мы должны помочь ей подняться. Наша обязанность – застегнуть ее на крючки в штуковину вроде корсета, похожую на блестящие розовые доспехи, а уж трусы у нее – это надо видеть. Крис видел. Говорит, из них вышли бы отличные шальвары для арабской танцовщицы – только для танцовщицы в шесть футов ростом и с очень, очень добропорядочной репутацией. Я представила себе тетушку Марию с самоцветом в пупке и чуть не померла со смеху. А тетушка Мария подлила масла в огонь – она сказала:

– Мои дорогие, у меня отменное чувство юмора. Поделитесь, что вас так позабавило.

Это было, когда мы с Крисом вели ее вниз. К этому моменту она была при всех регалиях, в твидовом костюме и двух нитках бус, а мама пыталась застелить постель тетушки Марии так-как-это-должна-была-бы-сделать-Лавиния-но-это-неважно-дорогая.

Потом тетушка Мария шествует в гостиную и царственно усаживается там. Почему-то гостиная – самая темная комната в доме, хотя из сада туда попадает много солнца. Один из нас обязан сидеть с тетушкой Марией. Это мы обнаружили в первый день, когда собирались втроем пойти по магазинам с длинным маминым списком. Крис ехидно проехался насчет того, что ждет не дождется познакомиться со всеми значными местами в Кренбери, и тут тетушка Мария уловила, о чем мы говорим.

И заявила – своим особенным напряженным тоном на грани скандала:

– Нет, вы никуда не пойдете!

– Пойдем, – сказал Крис. – Мы сюда, знаете ли, отдыхать приехали.

Мама заткнула его – воскликнула: «Кристиан!..» – и объяснила про список.

– А вдруг я упаду? – воскликнула тетушка Мария. – Вдруг кто-нибудь позвонит в дверь? Как я открою?

– Вы же открыли нам, когда мы приехали, – напомнила я.

Тетушка Мария тут же превратилась в смиренную мученицу и заныла: мол, никто из нас не знает, что такое старость, и неужели мы не понимаем, что иногда она месяцами не видит ни одной живой души.

– Идите, мои дорогие. Подышите свежим воздухом.

Мама, естественно, тут же начала мучиться совестью – и, что не менее естественно, дома осталась я. Следующие триста часов я проторчала в коричневом кресле лицом к лицу с тетушкой Марией. Она обычно сидит на желтом парчовом диване с деревянными шишками, а к деревянным шишкам привязаны шелковые шнуры, чтобы у дивана не отвалились ручки. Ноги у нее тяжело стоят на ковре винного цвета, а руки тяжело лежат на набалдашниках палок. Тетушка Мария – женщина крупная. Я привыкла считать ее высокой и все время удивляюсь, что она гораздо ниже Криса и даже ниже мамы. Может быть, она вообще всего с меня ростом. Зато характер у нее великанский – до самого потолка.

Она говорит. Исключительно о своих приятельницах из Кренбери.

– Коринна Уэст и Адель Тейлор рассказали Зое Грин – у Зои Грин, дорогая, блестящий ум, она про читала все книги в библиотеке до единой, – а Зоя Грин рассказала Эстер Бейли – Эстер пишет очаровательные акварели, с натуры, все говорят, не хуже Ван Гога, – и Эстер сказала, что я совершенно справедливо обиделась на слова мисс Фелпс. А ведь я столько сделала для мисс Фелпс! Раньше я посылала к ней Лавинию, а теперь даже не знаю, стоит ли. Мы рассказали Бените Уоллинс, и она говорит – ни под каким видом. Сельма Тидмарш передала ей все, что сказала мисс Фелпс. Сельма и Филлис – то есть Филлис Форбс, а не Филлис Уэст – хотели пойти поговорить с мисс Фелпс, но я сказала – нет, я подставлю другую щеку. Тогда Филлис Уэст пошла к Энн Хэвершем и сказала...

И та-та-та, и бу-бу-бу. В конце концов возникает такое чувство, словно тебя задохнули в какой-то пузырь, где стоит тот самый затхлый предпростудный дух, и в этом пузыре – только Кренбери с тетушкой Марией, и больше на свете ничего и нет. Слушаешь, слушаешь – и волея-неволей забываешь, что кроме Кренбери есть еще целый мир. От скуки я впадаю в одурь. В ушах у меня звенит. Тут уж и самое обычное вдруг покажется до боли интересным. Вот, например, когда я оглянулась и увидела снаружи на карнизе кота, это было прямо Рождество, или мой день рождения, или когда друг Криса Энди обращает на меня внимание. Настоящее чудо! Кот был серый, пушистый, с глупой при плюснутой мордой – обычно такие коты бывают до смерти скучные. Он тарасился на нас сквозь стекло, открыв пасть и пуская слюни, а я глядела ему в плоские желтые глаза – они чуть-чуть косили, – будто кот был мне задушевым другом.

– Дорогая, ты меня совсем не слушаешь! – сказала тетушка Мария и повернулась поглядеть, на что это я уставилась. Побагровела. Тяжело поднялась, опираясь на одну палку, и затопала к окну, размахивая в воздухе второй палкой. – Кыш! Не смей сидеть у меня на окне!

Кот вытарасился на нее тупо и испуганно – и удрал. Тетушка Мария, отдуваясь, уселась обратно.

– Повалился в мой сад, – сказала она. – Охотится на птиц. Так вот, как я говорила, Энн Хэвершем и Роза Брислинг были очень дружны, пока мисс Фелпс это не сказала. Нет, только не думай, будто я сердита на Амариллис Фелпс, но мне было обидно...

После этого я могла думать только о том, как жутко она напустилась на этого кота. И ни слова не слышала. А потом стала ломать голову, что это за призрак у Криса в комнате. Может, Крис решил пошутить. А если нет – я сама не знала, чего хочу: чтобы это оказался призрак папы и он сказал бы Крису, где искать его тело, или нет. При этой мысли зубам у меня захотелось застучать, и от страха и волнения все прямо зачесалось.

– Дорогая, слушай меня, – сказала тетушка Мария. – Это интересно.

– Я слушаю, – ответила я. Она говорила про Элейн, которая соседка. Оказывается, я даже кое-что слышала. – Мы уже познакомились с Элейн, – добавила я. – Она вчера вечером заходила с фонарем.

– Дорогая, тебе не следует называть ее Элейн, – сказала тетушка Мария. – Ее зовут миссис Блекуэлл.

– Почему? – удивилась я. – Она сама сказала – Элейн.

– Это потому, что я всегда ее так называю, – ответила тетушка Мария. – А тебе нельзя, это невежливо.

С тех пор я называю ее только Элейн. Элейн снова примаршировала к нам, в черном макинтоше, но без фонаря, одновременно с мамой и Крисом. Я услышала голос Криса, потом мамин и даже подскочила – счастливая, словно меня из тюрьмы выпустили. Наконец-то произошло хоть что-то настоящее! Потом дверь в гостиную отворилась – а там Элейн.

– Не уходи, дорогая, – сказала мне тетушка Мария. – Я хочу, чтобы ты осталась и я могла тебя представить.

Пришлось мне стоять на месте, а Элейн не обратила на меня ни малейшего внимания, как и вчера. Она подошла к тетушке Марии и поцеловала ее в щеку.

– Они купили вам продукты, – сказала она, – и я им показала, где что лежит. Разъяснить им еще что-нибудь?

– Они очень стараются, – сказала тетушка Мария. Теперь она стала вся веселая-веселая. – Из всех сил. Не могу же я рассчитывать, что у них с первого раза все получится как надо.

– Ясно, – сказала Элейн. – Тогда я пойду и велю им стараться лучше.

Она не шутила. Вылитый Шеф Полиции, получивший указания от Великого Диктатора.

– Пока вы не ушли, – бодро сказала тетушка Мария, – хочу познакомить вас с моей маленькой Наоми. У меня очаровательная внучатая племянница!

Элейн повернула ко мне лицо.

– Мидж, – сказала я. – Мне больше нравится, когда меня называют Мидж.

– Здравствуй, Наоми, – сказала Элейн и промаршировала вон из комнаты. Я вышла следом и увидела, как она нависает над мамой с Крисом и горой пакетов с покупками и говорит: – Ваша задача – ни в коем случае не оставлять ее одну.

Мама – очень расстроенная и обиженная – сказала:

– Но ведь Мидж была дома.

– Я знаю, – угрюмо ответила Элейн, показывая, что именно этим она и была недовольна.

После чего повернулась к Крису. Рот у нее превратился в черточку с двумя складками по бокам. – Ты, – сказала она. – Кажется, ты галантный юный джентльмен. Не сомневаюсь, в будущем ты охотно составишь тетушке компанию, не правда ли?

Мы решили, наверное, это она так кокетничает. Когда задняя дверь закрылась за Элейн с отчетливым щелчком, мы уставились друг на друга.

– Ну и ну, – процедила мама. – Похоже, Крис, ты сразил ее наповал. Кстати, насчет сразить: если она еще раз вздумает мне приказывать, я ее сразу, это точно. Что она о себе возомнила?!

– Думает, она шеф полиции при тетушке Марии, – сказала я.

– Вот именно! – воскликнула мама.

Потом мы разгрузили все мешки – и знаете что?

Оказалось, в шкафчике у мойки есть морозильник, набитый продуктами под завязку. Там были и мороженое, и хлеб, и сосиски для хот-догов, и малина. Половина маминых покупок, как выяснилось, у тетушки Марии уже была. Крис все тщательно перерыл. Мама всегда поражается, сколько он ест: «Ты все еще голодный? Не может быть!» Я пыталась ей все объяснить на собственном опыте. Это самая настоящая одержимость, даже когда совсем сыт. Дело не в том, что ты голоден, а в том, что ты все время хочешь съесть еще что-нибудь.

– Да, – сказала мама. – Я именно об этом. Куда только в вас помещается? Как стыдно. Мы опять были несправедливы к бедняжке Лавинии. Она ведь оставила тетушке Марии столько припасов.

За ланчем Крис предъявил тетушке Марии претензии. Тетушка Мария надменно ответила:

– Я не сую нос в кухню, дорогой. К тому же замороженные продукты очень вредны для здоровья.

Крис, конечно, собрался указать на то, что в данный момент тетушка Мария ест именно замороженный горошек, но та опередила его и напустилась на маму.

– Дорогая, мне было очень неловко, когда Элейн зашла к нам. Подумать только – она застала вас с Наоми в таком виде. И ведь вы вышли так на люди!

– В каком виде? Как «так»? – хором спросили мы.

Тетушка Мария потупилась.

– В брюках! – прошептала она в смятении и ужасе.

Мы с мамой поглядели сначала на наши джинсы, потом друг на друга.

– И прическа у Наоми очень неопрятная, – продолжала тетушка Мария. – Должно быть, она забыла сегодня заплести косы. Но ведь вечером вы обе переоденетесь, правда? На случай, если зайдут мои приятельницы.

– А как же я? – сладким голосом поинтересовался Крис. – Мне тоже юбочку надеть?

Тетушка Мария притворилась, будто не слышит его, и он добавил:

– На случай, если зайдут ваши приятельницы? – Удивительно вкусный горошек, – громко сказала тетушка Мария маме. – Мне казалось, сейчас не сезон. Где вы его нашли?

– Он замороженный, – сказал Крис даже громче, чем она, но она притворилась, будто и этого не слышит.

Разобраться, насколько плохо слышит тетушка Мария, очень трудно. Иногда кажется, будто она глуха как пень, вот сейчас например, а иногда она сидит в гостиной и слышит шепот в кухне через две закрытые двери. Крис говорит, что главное – она всегда слышит именно то, что ее не касается. Это доводит Крису до белого каления. Он все пытался поиграть на гитаре.

Когда он играет в комнатке на полпути вверх, закрыв дверь, мы с мамой его почти не слышим, однако стоит ему взяться за гитару, как тетушка Мария вся вскидывается и верещит:

– Что это за шум? В дом ломаются воры!

Крис бесится, и я его прекрасно понимаю: тетушка Мария ведет себя точно так же, когда я надеваю наушники от плеера. Даже если я совсем убавляю звук, чтобы из наушников шел только шорох, тетушка Мария все равно вопит:

– Что это за шум? Прорвало резервуар на чердаке?!

Мама заставила нас с Крисом пообещать, что мы не будем раздражать тетушку Марию.

– Это ее дом, лапоньки, – сказала она, когда мы попытались возразить. – Мы всего-навсего у нее в гостях.

– Ага, и всюю отдыхаем на галерах! – огрызнулся Крис.

Мама как раз начищала бронзу тетушки Марии, поскольку тетушка Мария сказала, что Лавиния обычно чистит бронзу в этот день и она-конечно-совсем-не-рассчитывает-что-мама-станет-этим-заниматься.

На тех же основаниях мама переделалась в приличное платье и заставила меня надеть юбку. Юбка у меня с собой только одна – плиссированная, – и мама сказала:

– Мидж, я куплю тебе еще. Мы ведь у тетушки Марии в гостях.

– Круто, – сказал Крис. – А что, есть такое правило – гости должны во всем слушаться хозяина дома? В следующий раз, когда ко мне пойдет Энди, я прикажу ему поцеловать Мидж.

За это я стукнула Криса, а тетушка Мария заверещала, что с крыши падает черепица.

– Вот видишь? – сказал Крис. – Это же ее дом. Когда ты меня lupишь, от него отваливаются куски. Ах, злая, вредная Мидж – из-за нее рушится хорошенький тетушкин домик!

Наверное, он хотел меня посмешить, но тетушка Мария уже и меня допекла, и смешно мне не стало. Я на некоторое время перестала разговаривать с Крисом. Из-за этого, а еще из-за одури от скуки я сумела нормально поговорить с Крисом только несколько дней спустя. Ужасно глупо с моей стороны. Я же хотела спросить его про призрака – и не спрашивала.

По вечерам заявляются все приятельницы тетушки Марии. Это те самые, про которых она рассказывает каждое утро. Я думала, они старые карги, а оказалось – обычные женщины, почти все в элегантных нарядах и с элегантными прическами. Некоторые даже, можно сказать, молодые, вроде Элейн. Коринна Уэст и Адель Тейлор, пришедшие первыми, ровесницы Элейн и очень нарядные. Бенита Уоллинс, которая пришла с ними, больше похожа на то, что я ожидала, – у нее тяжелая походка, ноги под чулками забинтованы, и на ней шляпа и блестящая стеганая куртка. Судя по тому, с каким жадным интересом эта Бенита нас разглядывала, она заранее знала, что мы здесь, и не могла дожидаться, когда можно будет нас проинспектировать. Все они – миссис Такие-то, и нам положено к ним так обращаться. Крис называет их всех миссис Ктототам и нарочно путает фамилии.

В общем, они заявили, и мама сделала всем по кружке кофе. Тетушка Мария беззаботно рассмеялась.

– У нас сейчас походные условия, Коринна, дорогая. Вот это Бетти, это Крис, и я хочу познакомить вас с моей племянницей, моей милой маленькой Наоми.

Она всегда меня так называет, и от этого мне сразу хочется говорить гадости, как Крис, только я никогда не успеваю придумать, что бы такое сказать, пока все эти тетki не ушли. Я – ничтожество и лицемерная тварь: ведь на самом деле я злюка не лучше Криса. Просто слова не выходят наружу.

Наверное, когда миссис Ктототам ушли от нас, то сразу двинулись в соседний дом. Десять минут спустя к нам примаршировала Элейн в черном макинтоше, вооруженная своей улыбкой в две складки и стальным смешком. Когда Элейн смеется, это похоже на бой самых больших часов тетушки Марии – сначала низкий рык, а потом звяканье. Видимо, это она так проявляет общительность и дипломатичность. Элейн отбросила волосы назад и приперла маму к стене.

– На вас очень обидятся, – сказала она, – если вы станете подавать чай и кофе в кружках.

– О! Как же мне в таком случае поступать? – спросила мама, бросая все силы на противостояние Элейн.

– Советую найти серебряный чайник и лучший фарфоровый сервиз, – ответила Элейн. – И подать торт, если он у вас есть. Вы же знаете, какая она деликатная. Она будет сидеть и сгорать со стыда, но сама ни слова вам не скажет. – Элейн снова выстрелила в маму улыбкой в две складки. – Это намек. Провожать меня не надо, – добавила она и ушла.

– Она что, носит только этот черный макинтош? – спросил Крис громко, когда задняя дверь со шелчком закрылась. – Кажется, отращивает его, будто змея кожу.

Мы надеялись, что Элейн это слышала. Но все равно она победила – как всегда. Когда вскоре после этого заявили Эстер Бейли и еще три миссис Ктототам, мама достала лучший сервиз. Тетушка Мария не позволила мне помогать – она хотела пред ставить всем свою «милую маленькую Наоми», – а когда помочь вызвался Крис, тетушка Мария сказала, что это женская работа.

– Я не доверяю ему свой лучший фарфор, – добавила она громким шепотом, обращаясь к Филлис Форбс и прочим миссис Ктототам.

Мама носилась туда-сюда как одержимая, а Крис молча бесился. Мне пришлось сидеть и слушать Эстер Бейли, которая на самом деле была вполне ничего и даже милая. Мы говорили о картинах и живописи и о том, какая ужасная, безнадежная задача – писать воду.

– Особенно море, – сказала Эстер Бейли. – То место, где прибой накатывается на песок и волна вся прозрачная и с кружевными краями.

Я хотела согласиться, но тут все перекрыл голос тетушки Марии. С чего Элейн взяла, будто тетушка Мария скорее сторит со стыда, чем что-то скажет?!

– Ах! Прошу вас, простите меня! – закричала тетушка Мария. – Этот торт – покупной!

– Вот ужас-то! – тут же встрял Крис с другой стороны комнаты. – Я вам больше скажу, мама заплатила за него сама, и теперь мы едим фунтовые бумажки!

Бедная мама. Она свирепо взглянула на Криса, а потом кинулась извиняться, но Сельма Тидмарш и прочие миссис Ктототам хором загалдели, что на вкус он очень натуральный и для покупного торта «весьма неплох», однако тетушка Мария отодвинула тарелочку в сторону и демонстративно отвернулась от нее.

А Эстер Бейли сказала мне:

– Или волну с зелеными тенями и пенным гребнем.

Будто вообще ничего не произошло.

Когда она собралась уходить, то дала мне альбом. – Это тебе, – сказала она. – Такие картины обычно нравятся девочкам вроде тебя.

– Простите меня, – сказала мама тетушке Марии, когда они ушли.

Я решила, что она извиняется за Криса, но тетушка Мария ответила:

– Ничего страшного, дорогая. Наверное, вы просто не нашли, куда Лавиния поставила формы для выпечки. К завтрашнему дню вы их обязательно отыщете.

На миг мне показалось, что мама сейчас взорвется. Но она глубоко вздохнула и вышла в сад, под дождь и ветер. Мне было видно, как она свирепо подстригает розы – вжик-щелк, словно каждый побег – это палец тетушки Марии, а я тем временем положила альбом Эстер Бейли на стол и стала его рассматривать.

Кошмар. По-моему, Эстер Бейли на самом деле чокнутая хуже Зои Грин. Или не сообщает, что делает. На картинках были в основном феечки – маленькие, с крылышками, – или прехорошенькие девушки в чепчиках, но некоторые рисунки оказались непонятные и ни на что не похожие, и у меня от них в животе стало мерзко. Например, улица, запруженная толпой с какими-то оплывшими лицами, и по меньшей мере два лесных пейзажа, где у деревьев были злобные рожи и руки-ветви, будто в страшном сне. А одна картинка называется «Наказание

непослушной девочки», и она хуже всех. Вся темная, кроме самой девочки, поэтому не видно, кто именно ее наказывает, но ее четкую светлую фигурку словно бы вдавливают чем-то под землю, а еще что-то схватило ее за длинные волосы и затягивает вниз, и в этом участвуют тонкие-тонкие черные щупальца. Лицо у девочки перепуганное – и не удивительно.

– Просто прелесть! – сказал Крис, роняя мне на плечо крошки – это он доедал остатки торта из фунтовых бумажек. – Смотри, маму опять пропесочивают.

Я выглянула в сумерки за окном. И правда – над мамой высилась Элейн, руки на поясе развевающегося черного макинтоша, а у мамы опять огорченный и униженный вид.

– Честное слово... – начала я.

Но тут тетушка Мария закричала:

– О чем вы там шепчетесь, мои дорогие? Когда больше двух, говорят вслух. Неужели опять этот кот? Кто-нибудь, позовите Бетти в дом. Ей уже пора готовить ужин.

Вот, в общем-то, почему я так и не поговорила с Крисом и ничего не писала в дневнике. Когда я ездила в скаутский лагерь, там и то было больше уединения, чем в доме тетушки Марии. Но я дала Торжественный Обет с сегодняшнего дня писать в дневнике хоть что-нибудь. Мне необходимо выпускать пар.

На следующий день все было то же самое – только утром мы с мамой ушли, а Крис послушался приказа Элейн и остался с тетушкой Марией. Представьте себе. Я еще даже моря не видела, кроме того дня, когда мы приехали и когда было уже почти темно и я старалась не смотреть на кусок нового заграждения на Кренберийском утесе. В то утро мы сначала долго бродили кругами – искали форму для торта, – а потом вверх-вниз по холмам и даже за город, где фермы, поля и леса, – искали прачечную. В конце концов мама сказала, что чувствует себя воровкой с добычей, и нам пришлось тащить тюк с грязным постельным бельем обратно домой.

– Отдайте мне, – сурово сказала Элейн, встретив нас на тротуаре перед домом. И протянула руку в черном рукаве. Мама встала в оборонительную позицию и прижала белье к себе, твердо решив не давать Элейн ничего. Это было глупо и смешно. Подумаешь, грязное белье.

Элейн улыбнулась в две складки и даже засмеялась – послышался рык без звяканья.

– У меня есть стиральная машина, – сказала она.

Мама вручила ей тюк и даже улыбнулась, и это выглядело, можно сказать, нормально.

Днем на лучший сервис и торт заглянула Зоя Грин, а еще Филлис-не-помню-которая и еще одна миссис Ктототам, кажется, Роза. Мама испекла торт. Весь ланч тетушка Мария твердила маме – мол, это совсем ни к чему, – чтобы уж точно заставить маму это сделать, и все равно, расцеловавшись с Зоей Грин, крикнула:

– Вы испекли торт, дорогая Бетти?

Крис из своего угла громко ответил:

– Да. Она. Испекла. Торт. Вам по буквам проговорить?

Все сделали вид, будто не слышат, что было нетрудно: Зоя Грин токует, как глухарь. Она произносит длинные тирады с таким шепелявым прищлепыванием – можно его изобразить, если все время держать кончик языка между зубами.

– Внатит, это нафа довогая мавенькая Мамоми! – шлепает она. – Нет-нет, не говои, не говои! Я юбью фама догадыватьфя. Ты водилафь в конфе моябвя. Ты – Фтьевеф!

– Нет, она не Стрелец, а Весы, – сказал Крис. – А я Лев.

Но Криса никто не слушал – Зоя Грин все болтала и болтала про гороскопы и про Стрельцов, громко и долго, и к тому же еще и слюной брызгала. Она носит прическу из двух кичек – по одной над каждым ухом – и длинную развевающуюся юбку с лоскутным жакетом, все сильно засаленное. Она единственная из миссис Ктототам, которая и правда похожа на сумасшедшую. Я несколько раз пыталась втолковать ей, что родилась не в ноябре, но она впала в экстаз – из нее безудержно сыпались управляющие планеты и фазы перехода – и не слышала меня.

– Она мой драгоценный друг! – сказала мне те тушка Мария.

А Филлис Ктототам нагнулась к нам и прошептала:

– Душенька, мы ее очень, очень любим! Она, конечно, изменилась с тех пор, как ее сын... ну, об этом мы говорить не будем. Но она весьма уважаемый член общества Кренбери.

Они имели в виду, что мне положено закрыть рот и дать З. Г. выговориться. Я посмотрела на Криса, а он посмотрел на меня, а потом завел глаза к потолку. Он хотел сказать – ненормальная. Потом я сидела и слушала и думала о том, почему же у меня до сих пор не вышло поговорить с Крисом, если мне так интересно узнать про призрака.

Потом мама принесла торт. Крис посмотрел тетушке Марии прямо в глаза и поднялся, чтобы обнести тортом гостей.

Тетушка Мария – тихо и обреченно – произнесла:

– Он его уронит.

Если это и не стало для Криса последней каплей, доконало его то, что Зоя Грин подалась вперед и уставилась на кусок торта, который он хотел ей передать.

– Фто это там? Надеюфь, там нет нифево, на фто у меня авейгия?

– Не знаю, не знаю, – ответил Крис. – Вон те штучки, похожие на изюм, на самом деле кроличьи какашки, так что если у вас аллергия на кроличьи какашки, лучше не ешьте.

Все, в том числе Зоя Грин, вытаращились на него, а потом стали делать вид, будто он этого не говорил. Но Крис схватил чашку с чаем и протянул Зое Грин и ее.

– Конской мочи не желаете?

Все разом застрекотали о чем-то другом, и посреди этого стрекотания мама сказала:

– Кристиан, я тебя...

К несчастью, я в это время отхлебнула чаю. И поперхнулась, и пришлось выбежать в кухню – прокашляться над раковиной. Сквозь кашель я снова услышала голос Криса. Очень громкий.

– Точно-точно. Притворяйтесь, будто я ничего не говорил! А еще можно сказать: «У него же переходный возраст и к тому же травма, ведь его отец свалился с Кренберийского утеса!» Да, свалился! Плюх!

А потом за ним захлопнулась дверь.

Скандал. Это был полный кошмар. У тетушки Марии сделался истерический припадок, и она визжала. Зоя Грин ухала совой. Я слышала, как мама плачет. Это был такой ужас, что я осталась сидеть в кухне. И дальше тоже был ужас.

Я стала громко кашлять и двинулась к входной двери, думая сбежать, как Крис, но дверь распахнулась, и в дом промаршировала Элейн – естественно, в черном макинтоше.

– Мне надо поговорить с твоим братцем, – сказала она. – Где он?

А у меня в голове вертелась только одна мысль: неужели между ее домом и тетушкиным налажена радиосвязь. Иначе откуда бы она узнала? То есть она могла услышать крики, но откуда она узнала, что все именно из-за Криса?!

Я смотрела ей в ясное суровое лицо. Глаза у нее жуткие, фанатичные – и не захочешь, а заметишь.

– Не знаю, – выдавила я. – Наверное, ушел куда-то.

– Тогда я пойду разыщу его, – сказала Элейн. И вышла за дверь, бросив через плечо: – Если я его не найду, передай ему от меня: чем выше заносишься, тем ниже падать. Правда. Я серьезно.

Зря она сказала про «ниже падать». Подобрала бы лучше другие слова.

Когда крик утих, я вернулась в столовую. Обе миссис Ктототам похлопали меня по руке и сказали:

– Ничего, дорогая, ничего.

Кажется, они решили, будто я расстроена, потому что мне стыдно за Криса.

Глава третья

Теперь я мучаюсь совестью не меньше мамы. Уже стемнело, а Крис до сих пор не вернулся. Тетушка Мария не закрывала рот.

– Вдруг он шел по берегу и поскользнулся на камне! – твердила она. – Если он сломал или подвернул ногу, никто даже не узнает! Дорогая, я думаю, вы должны позвонить в полицию – а ужин, конечно, можно не готовить!

К чему полиция, подумала я, если по его следу идет Элейн. А мама сказала особенным тоненьким и бодрым голосом, каким она всегда говорит с тетушкой Марией:

– Ах, тетушка, все будет хорошо. Мальчишки есть мальчишки.

Тетушка Мария не желала утешаться. Она утробно, зловеще нудила:

– И на пирсе в темноте очень опасно. Вдруг его унесло течением? Благодарение небесам, наша маленькая Наоми дома!

– Сейчас не удержусь и попрошусь купаться, – шепнула я маме.

– Только попробуй! – ответила мама. – Мало мне Криса – еще и ты туда же!

– Тогда заткни ее, – сказала я.

– Как вы сказали, мои дорогие? – вскинулась тетушка Мария. – Что нужно заткнуть?

Все это продолжалось, пока не хлопнула задняя дверь и в дом не промаршировала Элейн, размахивая фонариком, и не привела Криса. Она держала Криса за плечо, будто арестанта.

– Вот он, – сказала она маме. – Я сделала ему выговор.

– Как замечательно! Спасибо за помощь! – сказала мама и быстро и встревоженно взглянула Крису в лицо. Вид у него был такой, будто он изо всех сил сдерживает смех, и я сразу поняла, что у мамы гора с плеч свалилась.

Тут наконец включилась и тетушка Мария.

– Ах, Элейн! – прокричала она. – Я с ума сходила от беспокойства! Вы его привели? Где вы его нашли? С ним ничего не случилось?

– На улице, – сообщила Элейн. – Как раз по до роге домой. Он цел и невредим. Верно, молодой человек?

– Да, если не считать раздавленного плеча, – пробурчал Крис.

Элейн выпустила Криса и притворно замахнулась на него фонариком.

– Больше ему такого не разрешайте, – сказала она маме. – Вы же знаете, она очень волнуется.

– Побудьте со мной, Элейн! – крикнула издали тетушка Мария. – Я пережила страшное потрясение!

– Извините, не могу! – крикнула в ответ Элейн. – Мне пора кормить Ларри ужином!

И удалилась.

Прошла целая вечность, прежде чем я смогла спросить Криса, что сказала ему Элейн. Тетушка Мария усадила его рядом с собой и двадцать раз подряд поведала, как она беспокоилась. Она допытывалась, где он был, но времени ответить не давала. Крис воспринял все это более или менее юмористически, не то что раньше, и я решила – Элейн, наверно, успела стукнуть его по голове фонариком, не иначе.

– Да нет, просто схватила за локоть, и все, – сказал Крис. – А я говорю – вы что, арестуете меня именем закона? А она – грубите мне сколько хотите, молодой человек. Мне-то все равно. А ваша тетушка волноваться не должна, я этого не допущу.

– Не слышу! – встряла тетушка Мария. – Кто-кто волнуется?

– Я, – ответил Крис. – Элейн запугала меня, и я теперь трясусь, как заяц.

– Думаю, Ларри ходил на охоту, – рассудила тетушка Мария. – Он часто приносит зайцев. Интересно, не угостит ли он нас зайчатиной на этот раз? Люблю заячье жаркое.

Крис завел глаза к потолку и покорился судьбе. Сейчас он играет на гитаре, а тетушка Мария делает вид, будто и этого не слышит. То есть вроде бы Все Прощено и Забыто. Именно от этого меня жутко мучает совесть. Мы с мамой уложили тетушку Марию в постель, и она сидит, опершись на подушки, вся такая чистенькая и розовенькая в белой кружевной ночной рубашке, кудряшки заплетены в косички, и слушает по мамину приемнику передачу «Почитаем перед сном». Вылитый плюшевый мишка. Просто душечка. Мама попросила ее сказать, когда она захочет выключить свет, и она улыбнулась самой сахарной улыбочкой и ответила:

– Ах, когда вы соберетесь спать, тогда и выключим. Дадим нашей маленькой прилежной Наоми закончить сочинение.

Мне от этого ужасно тошно. Я перечитала дневник – и в нем полно диких грубостей в адрес тетушки Марии, а она считает, будто я пишу сочинение. Я даже хуже Криса – ведь я позволяю себе быть гадкой тайком от всех. Вот была бы я сострадательная, как мама! Мама – мой идеал. Она у нас хорошенькая-хорошенькая – и при этом веселая. У нее аккуратненький носик кнопочкой и красивый, чуточку выпуклый лоб. Глаза у нее всегда сияют, даже когда она устает. Крис очень похож на маму. У них у обоих огромные глаза с длинными изогнутыми ресницами. Я им завидую. У меня ресниц раз-два и обчелся, и те какие-то тускло-коричневые, того же цвета, что и волосы, и совсем не украшают скучные карие глаза. Лоб у меня плоский. Я ни капельки не милая, и мне бы очень хотелось, чтобы тетушка Мария перестала наконец называть меня «милой маленькой Наоми». От этого я чувствую себя распоследней негодяйкой.

После этого меня окончательно скрутило, и нужно было обязательно поговорить с мамой, пока мы не задули свечку. Мы обе сидели в кровати. Мама курила, а я редела, и мы боялись, что тетушка Мария вот-вот проснется и завопит, что в доме пожар. Было слышно, как она храпит, а Крис внизу мятежно терзает гитару.

– Беденькая моя Мидж! – сказала мама. – Я тебя понимаю!

– Ничего ты не понимаешь! – всхлипнула я. – Ты сострадательная! А я даже хуже Криса!

– Тоже мне «сострадательная»! – фыркнула мама. – Да я полдня только и мечтаю зарезать тетушку, а Элейн я бы с удовольствием задушила хоть сейчас! Сначала мне было дико неловко, совсем как тебе, ведь тетушка действительно очень старенькая и иногда умеет быть чудо какой славной, и я держала себя в руках только потому, что мне вообще-то нравится ухаживать за старичками. А потом Крис сделал мне одолжение – устроил этот скандал. И я поняла: на свете есть вещи, которых я стараюсь не замечать. Знаешь, Мидж, жестокие чувства бывают у кого угодно.

– Но когда у тебя жестокие чувства, это же... плохо! – прорыдала я.

– Никуда не денешься, они все равно есть у всех, – пожала плечами мама, прикуривая вторую сигарету от первой. – И у тетушки тоже. Вот почему мы все так дергаемся. Она жуткая эгоистка и большая мастерица заставлять других работать на себя. Пользуется тем, что людям совестно замечать за собой жестокие чувства. Ну как, полегчало тебе?

– Не очень-то, – сказала я. – Она ведь вынуждена просить о помощи, потому что сама не все может, правда?

– А вот в этом, – отозвалась мама, выпустив облако дыма, – я, Мидж, сильно сомневаюсь. Я пристально за ней наблюдала – и, по-моему, не такая уж она и дряхлая. Вполне могла бы себя обслуживать, если бы захотела. Мне кажется, она просто убедила себя, будто не может. Завтра я попробую заставить ее сделать кое-что самостоятельно.

Тут мне стало легче. Наверное, маме тоже, – но особых успехов в том, чтобы заставить тетушку Марию делать что-то самой, она не достигла. Хотя старалась целое утро. Например, тетушка Мария говорит:

– Я оставила очки на буфете, дорогая, но это не важно.

– Так пойдите возьмите, – отвечает мама громким бодрим голосом.

Пауза, после чего тетушка Мария стонет с мягким укором:

- Я стала совсем старая, милая Бетти.
 - Попробуйте, вдруг получится, – подбадривает ее мама.
 - А вдруг я упаду? – предполагает тетушка Мария.
 - Падайте, – говорит Крис. – Падайте носом вниз, и мы хорошенько посмеемся.
- Мама свирепо глядит на него, а я иду и приношу очки.

Так все и шло, пока не объявился серый кот – он замаякал на нас из-за окна, чуть ли не расплющив о стекло уродливую плоскую морду. Тетушка Мария без малейших затруднений вскочила с дивана и прямо-таки побежала к окну, размахивая в воздухе обеими палками и истерически вопя «брысь, брысь». Кот ретировался.

- Что это вы? – поинтересовался Крис.
- Не потерплю, чтобы этот кот шастал по моему саду! – заявила тетушка Мария. – Он душит птиц.
- Чей он? – спросила мама. Она любит кошек, и я тоже.
- Откуда мне знать? – ответила тетушка Мария. Она так обозлилась на кота, что на обратном пути к дивану позабыла хотя бы раз опереться на палки. Мама подняла брови и поглядела на меня. Видала, мол?

Потом мы опрометчиво оставили Криса дома и пошли в сад поискать кота. Кота мы не нашли, а когда вернулись, Крис весь кипел от ярости. Тетушка Мария нежно его журила.

- Дорогой, я-то потерплю, но мои приятельницы огорчились до глубины души! Прошу тебя, дай слово, что больше не будешь так говорить!

Крис, конечно, получил по заслугам, но мама тут же вмешалась:

- Крис и Мидж, я сейчас наделаю вам бутербродов, и отправляйтесь дышать свежим воздухом. До вечера будьте любезны быть на улице!
- До вечера? – воскликнула тетушка Мария. – Но сегодня днем у меня здесь соберется Кружок Целительниц! Детям было бы очень полезно поприсутствовать на нашей встрече!
- Свежий воздух еще полезнее, – отрезала мама. – Крис очень бледный.

И точно. Крис выглядел так, словно сильно не выспался. Он был совсем белый, и у него опять вылезли прыщи. На протесты тетушки Марии (сегодня ветрено, скоро будет дождь, мы промокнем) мама не обратила внимания и силком вытолкала нас из дому с теплой одеждой и огромным полиэтиленовым пакетом еды.

- Сделайте мне одолжение, отдохните для разнообразия, – сказала она.
- А как же ты? – спросила я.
- Да ничего. Пока у нее будет это сборище, повоюю в саду, – ответила мама.

Мы вышли на улицу.

- Мама опять корчит из себя подвижницу, – сказала я. – Терпеть этого не могу.

Крис ответил:

- Ей нужно отработать свое чувство вины из-за гибели папы. Пускай, Мидж. – И улыбнулся – как обычно, будто все-все понимал. Казалось, стоило нам выйти из дому, и он снова стал самим собой. – Хочешь, скажу, что я вчера заметил на этой улице? Видишь дом напротив?

Он показал, и я сказала «да» и посмотрела. И тут тюлевые занавески на переднем окне дома дернулись, словно кто-то поскорее за них спрятался. А вообще это был домишко кремового цвета, мрачный, как и вся остальная улица, с крупными цифрами «12» на парадной двери.

- Номер двенадцать, – сказал Крис, шагая по улице. – Единственный дом на всей улице с номером, Мидж, если не считать номера двадцать два в дальнем конце, по той же стороне. Значит, сторона тетушки Марии – нечетная, да? А следовательно, дом тетушки Марии – номер тринадцать, как ни считай.

Крис всегда обращает внимание на числа. Раз замечает номера домов, значит, пришел в себя, решила я. И ответила, что да – наверное – номер тринадцать, и мы смеялись всю дорогу до берега моря. Там было очень ветрено и пустынно, но при этом почему-то очень аристокра-

тично. Крис крикнул, мол, даже бетонные сараи и те изящные. И правда. Мы прошли мимо детского бассейна и унылой площадки с качельками и вышли к морю. Был прилив. Волны вовсю бились о набережную, серые, свирепые, и то и дело захлестывали тропинку. Ноги у нас промокли, а грохот стоял такой, что мы перекрикивались, а потом во рту долго было солоно. Нам встретился только один человек – только один на всей набережной, – и тот у самого начала: пожилой господин, застегнутый в твидовое пальто, который попытался вежливо приподнять перед нами твидовую шляпу, но только притронулся к ней рукой, чтобы ее не унесло ветром.

– Доброе утро! – прокричали мы.

– Добрый день! – прокричал он в ответ. Очень точная поправка. Было уже за полдень.

Правда, мне всегда казалось, что «день» начинается только после ланча, а мы еще не ели.

Когда мы оказались возле пирса, я заорала Крису: – Этот призрак у тебя в комнате – он кто, он или она?

Хуже места для важных вопросов я найти не могла. Море билось и хлюпало вокруг стальных опор, а постройки вдоль пирса заслоняли нас от ветра, и мы то оказывались в тихом закутке, где было теплым-тепло, но в ушах звенело, то выходили обратно в ледяной грохот.

– Мужчина! – заорал Крис. – И не папа, – добавил он, когда мы снова оказались в тихом закутке. – Я видел, ты подумала, что это он, так вот не он. Ну и физиономия у него – будто помесь шута с попугаем.

Ветер взвыл, и я плохо расслышала конец фразы. – С бугаем? – завопила я.

– С попугаем! – заорал в ответ Крис. По-моему, после этого он закричал что-то вроде: «Пиастры! Красотка Полли! Долговязый Джон Сильвер! Я призрак Аделины-Молодчины! Смех без причины – признак дурачины! Бред соседа до обеда!»

Когда кричишь на ветру, всегда кричишь чушь, и я думаю, Крис кричал все это, чтобы заглушить страх. В общем, я совершенно запуталась и решила, будто он пытается сообщить мне, как зовут призрака.

– Сосед? – завопила я. – Джон?!

– Какой еще сосед Джон? – взвыл в ответ Крис. – Призрака так зовут! Его зовут сосед Джон? – проорала я.

Когда мы снова оказались на островке тишины и разобрались, кто что от кого услышал, то чуть животы себе не надорвали от смеха и решили, что «сосед Джон» – отличное имя для призрака. Так мы его теперь и называем. Я все время представляю себе огромного красного пиратского попугая, только Крис говорил еще и про шута, и когда я об этом вспоминаю, то поправляю картинку и делаю из красного попугая другого, белого, с желтым хохолком – ну, какаду. По-моему, хохолки у них похожи на шутовские колпаки, а призракам положено быть белыми. Но вообразить, чтобы так выглядел человек, я не могу.

Крис рассказывал мне про призрака весь день – в час по чайной ложке, урывками. А кое-чего он мне вообще не рассказал, я уверена, и теперь я ломаю себе голову, почему и чего именно.

Он сказал, что в первую ночь вдруг проснулся от испуга – решил, будто забыл задуть свечу. Но потом он понял, что это светит в окно уличный фонарь. На фоне окна было видно очертание человека, он стоял, ссутулившись, спиной к Крису. Похоже, человек рылся в одном из стеллажей.

– Ну, я его окликнул, – сказал Крис.

– Страшно было? – спросила я. При одной мысли об этом у меня сердце прямо бухало.

– Конечно было, просто сначала я подумал, будто это грабитель, – ответил Крис. – Я сел и вспомнил, как много людей убили, когда они вспугивали грабителя, и решил притвориться, будто сплю с пистолетом под подушкой. Ну и сказал: «Руки вверх и медленно повернитесь». Он развернулся и как вылупится на меня. Вид у него был совершенно потрясенный – по-моему, он вообще не ожидал никого тут застать, – вот мы и таращились друг на друга некоторое время.

Тут я уже сообразил, что он не грабитель. Не то выражение лица. Ну, то есть чокнутое, конечно, но не грабительское. Еще я почему-то сразу понял, что он потерял что-то нужное и теперь ищет, поскольку оно должно быть в этой комнате. Тогда я спросил: «Что вы потеряли?» – а он не ответил. Сделал такое лицо, будто сейчас заговорит, но не заговорил.

Крис сказал, он даже тогда не понял, что этот человек – призрак. Сначала он заявил, будто до него это дошло вообще только на следующее утро, когда он сказал мне, что у него призрак в комнате. А потом поправил сам себя: нет, кажется, он это понял, когда человек только собрался повернуться. В комнате было потустороннее ощущение, сказал он. По том опять стал сам себя поправлять. Наверное, призраки – такая штука, что, когда их видишь, в голове все путается. Крис еще сказал, что начал удивляться сразу, как заметил, что на человеке такой странный темно-зеленый плащ, весь изодранный и в грязи.

Когда Крис дорассказал до этого места, мы уже зашли по пляжу далеко-далеко, мимо всех лодок, сложенных на бетонном откосе, почти до самого Кренберийского утеса. Мы посмотрели снизу вверх на огромный, высокий розоватый утес. Он был даже немного похож на дом – весь зарос плющом. Наверху было видно дыру в плюще и немного нового ограждения. Тут мы оба почему-то стали очень рассудительные.

Крис сказал:

– Некоторые скалы внизу видны даже в прилив. – Да, но была же ночь, – ответила я. – Машину заметили только утром.

Тогда Крису стало интересно, как достали машину. Он решил, ее выволокли вверх по утесу на лебедке. Я сказала, что было бы проще поставить ее на плот и подплыть к бетонной набережной.

– Или отбуксировать ее по песку в отлив, – согласился Крис. – Бедная старенькая машинка.

После этого мы повернули и пошли обратно через город. Я все думала о машине. Я же знала ее как свои пять пальцев. Это была наша семейная машина, пока полгода назад папа не увез на ней во Францию даму по имени Верена Бланд и не позвонил сказать, что не вернется. Интересно, думала я, осталось ли еще пятно на заднем сиденье, где я раздавила коленкой яйцо, когда подралась с Крисом. Может, морская вода выводит пятна от яиц? И тут я опять вспомнила про роман, который оставила в тайничке над радио. Все смыто морской водой. Мне было противно думать, что в машине теперь пахнет морем и ржавчиной. Там всегда пахло по-особенному. Однажды папа случайно сунулся в чужую машину и понял, что она чужая, именно по запаху. Крис никогда не ладил с папой. А я всегда ладила – когда папа не был в очень уж мерзком на строении.

– Когда же ты понял, что это призрак? – спросила я.

– Да наверное, только под конец, – ответил Крис. – Он ничего не сказал, лишь улыбнулся – такой, знаешь, классной, обалденной улыбкой, хитрющей-прехитрющей. А пока я думал, что тут смешного, вдруг смотрю – а сквозь него видно книжки на полках и он вроде бы тает.

«Итак, у нас уже четыре разные версии», – подумала я.

– А тебе не было страшно?

– Да нет, не особенно, – сказал Крис. – Он мне вообще-то понравился.

– Он приходит каждую ночь?

– Да, – кивнул Крис. – Я каждый раз спрашиваю, что ему нужно, а он вроде бы собирается сказать – но не говорит.

Ветрено было и среди домов – кремовых домов, розовых домов, высоких серых домов со скрипевшими на ветру вывесками «Полупансион», – и песок все стелился по мостовой, словно потоки воды.

Утром в городе было шаром покати, но тут мы ста ли везде наткаться на разных миссис Ктототам. Первой мы увидели Бениту Уоллинс, она вытряхивала коврик на крыльце очередного «Полупансиона» – пуфф, пуфф.

– Привет, мои дорогие! – прокричала она. Потом появилась Коринна Уэст – она вышла из-за угла с корзиной для покупок, еще через улицу – Сельма Тидмарш с шарфом на голове, а потом, за следующим углом, Энн Хэвершем с собачкой. И каждый раз: «Здравствуйте, как поживаете? Как здоровье вашей тетушки?»

– Этак тетушка Мария запросто сможет проследить наш маршрут, – заметила я. – Ну или Элейн. Сколько их еще осталось?

– Девять, – ответил Крис. – Она рассказывает про тринадцать миссис Ктототам. Я вчера, пока она болтала, читал книжку и считал про себя.

– Только если считать мисс Фелпс и Лавинию, – уточнила я. – А что ей сказала мисс Фелпс, что она так злится? Она тебе не говорила?

– Нет. Наверное, «Хватит долдонить, тоска берет», – отозвался Крис. – Слушай, давай сядем на автобус и уедем отсюда, а?

Оказалось, автобусы не будут ходить еще целый месяц. Мы пошли на вокзал и спросили там. Носильщик в огромных резиновых сапогах сказал нам, что сейчас не сезон, но можно сесть на поезд до узловой станции Айтам, и тут выяснилось, что у нас не хватит денег на билеты. И мы пошли по тропинке, которая начиналась у стоянки возле вокзала, через бурые вспаханные поля к лесу.

– По-моему, на следующий день после этого я заметил, какой грязный у него плащ, – сказал Крис, глядя на вспаханную землю. Вот так он и говорил про призрака – по капельке. – А светится, похоже, он сам. Я поставил эксперимент. Вчера пошел спать без свечки – вообще ничего видно не было, еле кровать разглядел.

– Ты что, каждый раз просыпаешься? – спросила я.

– Первые две ночи – да. Вчера решил не спать, хотел застать, как он появляется. – Крис зевнул. – Слышал, как пробило три, а потом, наверное, отрубился. И тут раз – и он уже здесь, а примерно когда он стал исчезать, пробило четыре.

Ланч мы устроили в лесу. Там было хорошо – много невысоких деревцев, и все наклонились в одну сторону из-за ветра с моря. Их всю жизнь так гнуло, что теперь у них у всех стволы одинаково скрюченные. От этого лес выглядит будто шествие гоблинов, и стоит углубиться в эти гоблинские деревца, как открытые поля вокруг уже не видны. Поэтому мы едва не заблудились.

– Что он ищет, этот призрак? – спросила я. Точно помню, это было за ланчем, – когда я говорила, то слышала, как скрипят скрюченные деревца, – и еще помню опавшие листья под коленями, холодные и чистые, словно звериный нос.

– А мне, думаешь, не интересно? – сказал Крис. – Я все книжки перерыл на этом стеллаже. Вынимал, глядел за них – вдруг у призрака не хватает сил их передвигать? – но ничего там нету, только стенка.

– Может, это книга? – предположила я. – Там нет книжек под названием «Знаменитые привидения» или «Кренберийские мертвецы» – чтобы можно было догадаться, кто он такой?

– Куда там! – махнул рукой Крис. – Собрание сочинений Бальзака, собрание сочинений Вальтера Скотта, сборник Рескина и полное собрание сочинений Джозефа Конрада. – Он немного подумал, а деревья немного поскрипели, и потом сказал: – По-моему, призрак насыляет на меня страшные сны, только я их потом не помню.

– А еще говоришь, он тебе нравится! – закричала я, вздрогнув.

– Он же не виноват, что они мне снятся, – сказал Крис. – Видела бы ты его – сама бы поняла. Пожалела бы его. Это же ты у нас добренькая, а не я.

Мне и так уже жалко призрака – не лежит ему, бедному, потому что он что-то потерял и приходится каждую ночь вставать из могилы и идти искать. Вот мне и стало интересно, давно ли это с ним. Я спросила Криса, не догадался ли он по одежде призрака, когда именно тот умер, но Крис ответил, что не сумел ее толком рассмотреть.

К этому времени от скрипа деревьев меня уже колотило. Ланч мне было все равно не осилить – вечно мама кладет слишком много. Крис сказал, что даже под дулом пистолета не будет таскать с со бой пакет с недоеденным пирогом со свиной, а я вообще терпеть не могу полиэтиленовые пакеты. Поэтому Крис запихнул кусок кекса в карман на потом, а пакет мы затолкали между скрюченных корней ближайшего деревца. Мы – враги окружающей среды, вот кто мы такие. В лесу было как-то удивительно воздушно и прозрачно и стоял по-весеннему мшистый запах. Деревья казались еще прозрачнее оттого, что на гнутых ветках совсем не было листьев, только-только почки проклюнулись. Нам обоим было стыдно за брошенный пакет, вот мы и шутили шуточки по этому поводу. Крис сказал – какой-нибудь прохожий барсук еще скажет нам спасибо за пирог со свиной.

Вот тогда-то мы и заблудились. Лес шел то круто вверх, то круто вниз. Ни полей, ни даже моря видно не было, и мы не понимали, где очутились, пока я не сообразила, что ветер всегда дует на берег. Значит, если мы хотим вернуться в Кренбери, надо встать лицом к ветру. Если бы мы этого не сделали, то плутали бы до утра. Я сказала – это колдовской лес и он хочет заманить нас в чащобу на веки вечные. Крис сказал: «Ерунда!» Только, думаю, он тоже здорово напугался: лес был просто жутко пустой и скрюченный.

В общем, по-моему, мы сделали вот что: прошли по всей долине за Кренбери, а потом вдоль холма по другую сторону. Когда мы наконец спустились по крутому склону и увидели внизу Кренбери, то оказались прямо напротив Кренберийского утеса, а сам город был похож на скопление кукольных домиков, выстроившихся полукругом вдоль берега туманного серого пустого моря.

Я подумала, что отсюда город выглядит очень даже симпатично. Крис заметил:

– А как мы, интересно, рельсы-то перешли?! Железная дорога тянется ровненько поперек долины!

Как – понятия не имею, но перешли же. Рельсы тоже было видно внизу. Последний большой дом в Кренбери, полускрытый за тем самым холмом, где мы стояли, был у самой железной дороги. Мы решили, пусть он будет ориентиром, и пошли прямо на него. К этому времени понемногу надвигался вечер – еще не темнело, а как будто тихонько тускло, и все сделалось блеклое и зябкое. Я уговаривала себя, что именно поэтому мне стало так странно. Сначала на крутом склоне было поле, поросшее очень мокрой травой. Ветер стих. Большой дом стоял среди деревьев, но мы подумали, что за ним должна быть дорога, поэтому взобрались на круглый бугорок у подножия холма с полем посмотреть, где она, эта дорога. Бугорок весь порос низкими кустами с длинными упругими ветками, на них набухли большие блеклые почки, и там повсюду вились узенькие протоптанные тропки. Помню, я еще подумала – там хорошо играть. Похоже, на бугорке и правда играли дети. Потом мы забрались на вершину и увидели этих детей.

Они гуляли в саду возле большого дома. Это было скучное здание из красного кирпича – такими часто строят школы. Сад, в который мы заглядывали сверху через ограду, тоже был пошкольному скучный – одна трава и круглые клумбы с вечнозелеными кустами. В саду и гуляли дети – очень тихо и степенно. Это было противоестественно. Ну то есть, разве могут сорок детей вообще не шуметь? Те, которые играли, ни разу даже не крикнули. Большинство детей просто ходили по саду шеренгами по четыре-пять. Если девочки – за ручку. Если мальчики – просто маршировали рядом. И все выглядели одинаково. На самом деле они были вовсе не одинаковые. Все девочки – в разных клетчатых платьицах, у всех мальчиков – свитера разных цветов. У некоторых были светлые волосы, у кого-то – темные, четверо-пятеро детишек чер-

нокожие. И лица тоже различались. И тем не менее они были одинаковые – я понятно объясняю? Они все одинаково двигались с одинаковым выражением на разных лицах. Мы глядели на них. В полной оторопи.

– Клоны, – проговорил Крис. – Иначе быть не может.

– Клоны вроде бы должны быть как близнецы, нет? – спросила я.

– Это секретный эксперимент по созданию клонов, которые не похожи друг на друга, – нашелся Крис. – Ученые добились, чтобы тела у них были разные, а разум один на всех. Сама же видишь.

Эта шутка была из тех, которые на самом деле вовсе и не шутки. Зря он так сказал. Вряд ли дети нас слышали, все-таки мы стояли далеко, но, когда Крис говорил, позади меня из кустов кто-то появился, и я уверена, что он все слышал. К счастью, в этот момент в сад вышла женщина, похожая на медсестру.

– Идемте, дети! – крикнула она. – Уже темнеет и холодает. Все в дом!

Женщина была одной из миссис Ктототам. Когда дети послушно потянулись к ней, я вспомнила, кто это: Филлис Форбс. Хотела сказать Крису, но сначала оглянулась на человека из кустов – мне было неловко, что он тут стоит. Тот куда-то пропал. Поэтому я посмотрела на Криса – лицо у него было белое, изумленное, растерянное и тарасилося на меня.

– Ну у тебя и лицо – словно призрака увидел! – сказала я.

– А я и увидел, – отозвался Крис. – Призрака из моей комнаты. Он стоял у тебя за спиной секунду назад.

Тут я бросилась бежать. Не могла заставить себя остановиться. Проломилась через кусты до самого подножия бугорка, помчалась в поле, потом – в другое поле. Помню, как тренькнула колючая проволока, как я вся исцарапалась об изгородь, как на меня из сумерек вдруг уставился неведомый огромный черно-белый зверь. Думаю, это была корова. Я дико метнулась в сторону, чтобы обогнуть ее, и бросилась дальше. Хотела завизжать, но от ужаса могла только тоненько скулить.

Через некоторое время я услышала, как рядом несется Крис и кричит:

– Мидж, остынь! погоди! Он же на самом деле совсем не страшный!

Я хотела заорать на него в ответ: «Сам-то небось тоже перепугался!» – но по-прежнему была способна только мяукать по-дурацки.

– Ы! Ы! Ы! – сказала я Крису и помчалась дальше.

Я бежала сама не знаю куда, а Крис гнался за мной и кричал, чтобы я остановилась. Темнело. По-моему, я некоторое время бежала по огородам на задворках Кренбери, потому что там было холодно и ухабисто и я все время спотыкалась о какие-то большие влажные шары, которые делали «хряп» и остро пахли капустой. Ноги у меня тяжелели, словно в страшном сне. Я видела, как сбоку мерцают огни города, а впереди ровно светит оранжевый фонарь, и я рысила к оранжевому фонарю, топая тяжелыми ножищами, грудь у меня ныла, и я скулила – «Ы! Ы! Ы!» – пока Крис не догнал меня, а я внезапно не выбилась из сил.

– Ну ты даешь! – протянул он.

Ему было противно.

Мы стояли возле сетчатого забора у самой автостоянки около вокзала, вся сетка была в росе, и роса мерцала на всех машинах в оранжевом свете. К вокзалу как раз подъезжал, грохоча, поезд. У меня кололо в боку, я еле дышала. Подняла к свету сначала одну ногу, потом другую. Обе стали великанские от налипшей земли и пахли капустой. Мы посмотрели на них – и захохотали. Крис прислонился к забору и стонал от смеха. Я икала и пыхтела, на глаза у меня навернулись слезы.

– Это на самом деле был не призрак, – проговорила я, когда обрела дар речи. – Да?

– Я специально так сказал, чтобы тебя напугать, – сказал Крис. – Впечатляющий результат. Соскреби грязь, хотя бы немного. Тетушка Мария всем растрезвонит, что мы утонули, а Элейн устроит маме жуткий разнос за то, что милая тетушка так переволновалась.

Теперь, когда я это пишу, то понимаю: Крис соврал, чтобы мне полегчало. Тогда я этого не понимала, и мне не полегчало. Стоя на одной ноге, я по очереди сняла туфли и оттерла их о сетчатую ограду. Крис тоже оттер ботинки, хотя он запачкался гораздо меньше меня. Смотрел, куда наступает.

Пока мы этим занимались, поезд остановился, и из здания вокзала показались первые пассажиры. Они цепочкой проходили мимо забора под фонарем. На нас они не смотрели. А смотрели они прямо перед собой и шагали одинаково деловито – одинаково унылые и усталые.

– Толпа в час пик, – сказал Крис. – Странно, что тут тоже так бывает. Интересно, куда они все ездят на работу.

– Прямо зомби, – сказала я.

Почти все они были мужчины, почти все – в деловых костюмах. Примерно половина из них строем двинулась в ворота на дальнем конце стоянки. Было слышно, как они шагают – «топ-шлеп, топ-шлеп, топ-шлеп» – по дороге в Кренбери. Другая половина – также ничего кругом не замечая – разошлась по машинам на стоянке. Кругом в одну секунду стало тесно от проезжающих огней и шумно от гудков.

– Зомби, усталые после работы, – сказала я. – Мужья миссис Ктототам, – сказал Крис. – Миссис Ктототам высосали у них души, а потом отправили в виде зомби зарабатывать деньги.

– А мистеры Ктототамы ничего и не заметили, – подхватила я. – Они уже сто лет как зомби, и никто ни о чем не подозревает.

К этому времени со стоянки уже выехали все машины; «хрусть, хрусть» – проезжали они мимо нас по щебенке, вспыхивая нам в лицо фарами. Одна машина, другая... Меня это загипнотизировало, пока очередная прохрустевшая мимо машина не оказалась синей, с одной фарой тусклее другой и вмятинами в знакомых местах.

– Эй! – закричала я. Вцепилась в забор – даже руки заболели. – Крис, это была...

– Нет, не была, – отрезал Крис. Он тоже вцепился в забор. – Номер не тот. Я тоже сначала решил, что это наша машина, но это не она, Мидж. Честно.

Когда речь идет о цифрах, Крису можно верить. Он всегда оказывается прав.

– Похожа на нашу – просто жуть, – прошептала я.

– Ага, прямо дрожь пробирает, – согласился Крис. – Я даже подумал, неужели ее высушили и починили дверь и кому-то продали – на секунду подумал, пока не поглядел на номер.

К этому времени все машины уже уехали, носильщик в огромных сапогах шаркал перед вокзалом – судя по всему, запирает его на ночь. Мы перелезли через забор и нога за ногу вышли через ворота стоянки.

– Давай маме ничего не скажем, – предложила я.

– Не скажем, конечно, – кивнул Крис. – Про клонов и зомби – сколько угодно, а про машину – нет.

В конце концов мы не рассказали маме почти ничего. Нам крепко досталось: обоим – за то, что явились так поздно, а мне – за измазанную одежду. Тетушку Марию моя одежда вывела из себя.

– Как неосмотрительно, дорогая. Я же не могу взять тебя на собрание в таком виде.

– Я думал, это ваше собрание было днем, – сказал Крис.

Мама на него зашикала. Ее трясло. Миссис Ктототам проторчали тут весь день, устроили свой Кружок Целительниц, жрали торт, будто голодные волчицы, а потом тетушка Мария провозгласила, что в Зале собраний Кренбери в семь тридцать будет собрание и она туда пойдет. Вот почему я смогла написать такой большой кусок автобиографии. Я впала в немилость и была оставлена дома, поскольку порвала свою единственную юбку и вся перемазалась в грязи. Быть в немилости мне нравится. Еще есть немножко торта. Тетушка Мария применила ко мне свой негромкий скорбный тон, а потом сказала Крису, что вместо меня должен пойти он. Мама один-единственный раз поглядела Крису в лицо – и опять принесла себя в жертву: сказала, что пойдет с тетушкой Марией.

Зачем тетушке Марии понадобилась мама, ума не приложу. Когда приблизился час икс, явились Элейн с мужем и притащили пресловутое кресло-каталку. Мистер Элейн – которого зовут Ларри – ниже Элейн ростом, и я, кажется, видела его в веренице зомби, приехавших на поезде. В общем, он бледный, изможденный, зомбиподобный – и делает все, что скажет Элейн. Они вдвоем разложили широкое сверкающее кресло в кухне и водрузили в него тетушку Марию. Крису пришлось пойти просмеяться. Он говорит, тетушка Мария была вылитая папесса.

Когда настал час икс минус один, тетушка Мария заставила маму облачить ее в огромное бордовое пальто, вокруг ворота у которого пришита дохлая лиса. Голова у лисы совсем как настоящая, с красными стеклянными глазами, и она испортила мне весь ужин (тетушка Мария поужинала перед уходом на тот случай, если они вернутся очень поздно). И еще тетушка Мария надела шляпку – высокую, узкую, с бордовыми перьями. Восседала в кресле-каталке, будто на троне. И отрывисто отдавала приказы:

– Бетти, мой зонтик, не забудьте мои перчатки. Ларри, помните про коврик в передней. Осторожно, ступеньки.

А Элейн всегда отвечала вместо Ларри:

– Не беспокойтесь. Зонтик у Ларри в руке. Ларри может спуститься по ступенькам с завязанными глазами.

Сам Ларри ни разу ничего и не сказал. Только глядел на нас с Крисом, как будто мы ему не нравимся. Потом они с мамой и Элейн спустили тетушку Марию по крыльцу – бум, бум, бум – и покатали по улице, словно королеву с небольшой свитой.

Собрание было по поводу кренберийского приюта. Оказалось, дом, где мы видели миссис Ктототам и клонов, – это кренберийский приют. Вот скучища. Теперь весь день показался

ужасно скучным – ведь дети всего-навсего сироты, а не экспериментальные клоны. Мама говорит, собрание тоже было очень скучное. Я только что спросила у нее, как все прошло, и она ответила:

– Не знаю, лапонька. Я почти все проспала – но, по-моему, они там голосовали, делать пристройку к приюту или нет. Помнится, один унылый старикан по имени Натаниэль Фелпс был категорически против. Нудил, нудил, а потом тетушка Мария вдруг как стукнет по полу зонтиком да как заорет – конечно, мы выстроим для бедных сироток новую игровую комнату! Похоже, это все и решило.

По-моему, тетушка Мария – тайная королева Крен бери, не то чтобы «некоронованная королева», а скорее «шляпоносная». Хорошо, что я не сирота в здешнем приюте.

Глава четвертая

Серого кота мы теперь прикармливаем. Из-за этого произошли поразительные события, и еще мы познакомились с мисс Фелпс – той самой, которая что-то «сказала». Крис говорит, призрак является каждую ночь. Но все по порядку.

Сначала – призрак. Я спрашиваю про него Криса каждое утро. Крис смеется и отвечает: – Бедный старина Абель Сильвер! Я к нему уже привык.

Вчера я спросила, почему Крис не хочет спать на диване внизу. У него усталый вид. Представляю себе, как бы я себя чувствовала, если бы меня каждую ночь будил призрак. Но Крис говорит, призрак ему нравится.

– Роемся на полках, и все. Он же не делает мне ничего плохого!

После этого на подоконнике снова возник тот кот. Пришел, прижал к стеклу дурацкую плоскую морду и отчаянно замаякал. Крис сказал, вылитый пекинес.

Тетушка Мария стучала в пол наверху и орала, что ей поджарили неправильный тост, а мама летела по комнате к лестнице, чтобы разобраться. Однако, увидев кота, она остановилась.

– Бедняжка! – сказала она. – Нет, Крис, не пекинес. Что-то он мне напоминает... кого-то... эта морда... – Тут наверху снова застучали и заорали. Мама крикнула: «Иду-иду!» – и как раз выходила из комнаты, когда Крис изобразил тетушку Марию.

– Этот кот охотится на моих пти-и-чек! – заорал он. Подпрыгнул и замахал на кота руками – ну точно тетушка Мария.

Кот уставился на него. Было видно, что он ужасно обиделся. А потом убежал.

Мы с мамой хором сказали:

– Вот зачем было это делать, а?!

Пока я жарила еще тосты для тетушки Марии, Крис попросил прощения и сказал, что почему-то не мог удержаться. И что кот сам напросился. Я-то Криса понимаю. Но мама ужасно возмутилась. После этого мы одели тетушку Марию – а на это теперь уходит уйма времени, поскольку мама пытается заставить тетушку Марию сделать хоть что-нибудь самостоятельно. Она говорит:

– Тетушка, ну перестаньте, какой артрит! Попробуйте застегнуть крючки.

Тетушка Мария притворяется, будто возится с крючками, а потом говорит тихим сокрушенным тоном:

– Я старая женщина.

Мама говорит:

– Да, но вы великолепно сохранились для своих лет! – своим нарочитым бодрым голосом.

Тетушка Мария сияет:

– Спасибо, дорогая! Очень мило с вашей стороны. Вы необычайно преданная сиделка!

В результате не кому-нибудь, а мне приходится застегивать крючки или еще что-нибудь, иначе она до вечера не оденется.

День был ясный. Солнце косо светило через сад, и от него среди коричневого для разнообразия появилось зеленое. Мама поставила радио на стол возле перевязанного шнурами диванчика тетушки Марии, твердой рукой положила ей на колени «Телеграф» и сообщила, что все мы пойдем поработать в саду и будем очень заняты.

Тут тетушка Мария, конечно, сказала: «Дорогая, мне совсем не с кем поговорить!», а Крис, конечно, пробурчал: «Да, всего только с тринадцатью миссис Ктототам!», но мама их растащила и выпихнула нас в сад. Я уже было подумала, что дело двинулось с мертвой точки и маме надоело приносить себя в жертву. Но мама никогда не врет. Она мигом заставила нас с Крисом вешать белье, будто рабов на галерах, – всю одежду, которую мы с Крисом испачкали

в темноте, и целую веревку мешковатых небесно-голубых панталон тетушки Марии, которые Крис прозвал «багдады». Пока мы этим занимались, мама сказала:

– Пойду поищу того кота. Он далеко не уходит. И нашла. Она тихонько окликнула нас от сарая на заднем дворе, за крыжовником. Мы с Крисом в это время танцевали арабский танец с тазиком и парой багдадов. Когда мы подошли к маме, Крис так и не снял багдады с головы. Он увидел крыжовниковые кусты и сказал:

– Вот из чего клонируют сирот!

Призрак на пару с тетушкой Марией плохо влияют на Криса. Он совершенно не в себе, пока не уходит в город.

– Тсс! – сказала мама и выпрямилась с пушистым котом в руках. – Крис, хватит корчить из себя придурка! Бедное животное совсем оголодало. У нее под пухом одни кожа да кости!

– Это она? – спросила я.

– Да, это девочка, – ответила мама и перевернула кошку, чтобы показать нам.

Не кошка, а размазня. Делай с ней что хочешь. Она лежала пузом кверху у мамы в руках, поджав передние лапы и урча, словно грузовик. Ее все на свете устраивает, кроме тетушки Марии и Элейн. Элейн в этот момент как раз высунула голову над садовой оградой. Кошка вывернулась из маминых рук и укрылась под крыжовником. Элейн ее не заметила. Она поглядела на Криса с головой, обмотанной парой багдадов, и засмеялась своим смехом, в этот раз особенно похожим на бой часов.

– Боже мой, молодой человек! – сказала она. – Ну вылитый призрак придворного шута! Тут Крис немного побледнел и усталился на нее. Но Элейн уже смотрела на маму.

– Зачем вы стираете? – спросила она. – Я же вам сказала – отдавайте все мне.

– Ох, да ничего, – ответила мама. – Мидж ужасно перемазалась, и пришлось стирать вручную.

Она имела в виду, что не хочет одалживаться у Элейн.

– В следующий раз обязательно приносите стирку мне, – скомандовала Элейн. Улыбка в две складки – то есть Это Приказ. – Я зайду сегодня днем посидеть с ней, пока вас не будет.

– Что, простите? Я вроде бы никуда не собиралась, – сладко улыбнулась мама.

– Вам надо купить одежду для Наоми, – сказала Элейн и скрылась за стеной.

– Мне надо!.. – пробормотала мама. – Мидж, хочешь дырявый мешок?

– Ей и коврика из передней хватит, – сказал Крис, – нам все равно велено каждый вечер его скатывать.

– Точно, надо только дырку для головы прорезать, – сказала я.

Мама нагнулась, протянула руки и стала жестах выманивать кошку из крыжовника.

– Ослушаться Элейн! – процедила она. – О небо! Она же дух из нас вышибет своим фонариком. А если мы разозлим ее по-настоящему, чего доброго, натравит на нас Ларри.

Я в жизни не слышала, чтобы мама так язвила – честное слово, ни разу! Шипела прямо как кошка. Кстати, о кошке – та запрыгнула маме прямо на руки и действительно умирала от голода. Она слопала две сырые котлеты и вылакала блюдце молока ровно за три минуты. Когда мы пошли за покупками после ланча, мама первым делом купила целую картонную коробку кошачьего корма. Говорит, мы заберем кошку с собой в Лондон. И твердит: «Не понимаю, как она оказалась на улице! Я слышала, дымчатые персидские кошки дорого стоят». Еще она сажает кошку на сушилку и целую вечность чешет ей бакенбарды по сторонам приплюснутой морды. «Киса, киса, киса, – воркует мама, заглядывая кошке прямо в глупые желтые глаза. – Нет, кого-то ты мне определенно напоминаешь, только вот кого?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.